

Моей бабушке

*На этот раз
я определенно отрыла
червяка с колокольчиком*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гевин Скотт редко напивался. По одной простой причине — он совсем не умел пить.

Вот и на этот раз, потянувшись за бутылкой, Гевин упал с дивана и уткнулся лицом в ковер. Да так и валялся на полу, потому что спяну в темноте не соображал, в какую сторону ползти.

И когда в дверь его номера постучали, он был не в силах подняться. Все происходило в четырехэтажной убогой гостинице, будто специально предназначенной для чемпионов по умению вляпаться в дерьмо, каким и ощущал себя Гевин.

— От-тры-то, — еле ворочая языком, пробормотал он.

Дверь распахнулась. Его лучший друг и товарищ по команде *Nashville Legends* Дэлрей Хикс щелкнул выключателем и выругался.

— Черт! Пьяный в стельку! — Он повернулся и сказал кому-то: — Помоги мне.

Дэл и еще какой-то громила ввалились в номер, четыре мощные руки схватили Гевина за плечи. В одно мгновение его приподняли и прислонили

к задрипанной кушетке. Потолок плыл, стены качались, и голова Гевина безвольно откинулась на подушки.

Дэл похлопал приятеля по щеке.

— Давай-ка оживай.

Гевин со свистом втянул воздух, стараясь держать голову прямо. Поморгал, прижал ладони к глазам.

— Я нетрезв.

— Да ну?! А мы и не заметили! — усмехнулся Дэл. — Что пил-то?

Гевин вяло указал на бутылку крафтового бурбона на журнальном столике. Пару недель назад местная винокурня в честь окончания сезона вручила каждому члену команды по бутылке.

Дэл опять выругался.

— Вот это дерьмо? Ты бы лучше залил глотку спиртом!

— Спирта не нашлось.

— Принесу воды, — сказал громила. Его лицо расплывалось перед глазами: вроде бы Брейден Мак, владелец нескольких ночных клубов в Нэшвилле. И откуда взялся этот хлыщ? Что он здесь делает? Гевин и видел-то его всего раз на благотворительном матче по гольфу. С каких это пор он у Дэла в друзьях?

Внезапно в номере возник кто-то третий. Гевин узнал товарища по команде Яна Феличиано.

— *Cómo es él?*

Как он? Гевин понял. Ни хрена себе, по пьяни аж испанский попер!

Дэл покачал головой.

— Надрался и оброс, как Эд Ширан, не дай бог запоет.

— *No me gusta*¹ Эд Ширан, — икнув, отозвался Гевин.

— Заткнись, — отрезал Дэл.

— Надо же, по-испански я не заикаюсь. — Гевин снова икнул и почувствовал кислый привкус во рту. — Спьяну то есть.

Ян выругался.

— *Que pasó?*²

— Тея потребовала развода, — объяснил Дэл.

Ян присвистнул.

— Ну и ну! Жена говорила, что у них проблемы, но я не поверил.

— А т-ты п-поверь. — Гевин застонал, прислонив голову к кушетке.

Развод. Жена, с которой они прожили три года, мать его дочурок-близнецов, женщина, заставившая поверить его в любовь с первого взгляда, решила поставить точку в их отношениях. И виноват в этом только он сам.

— Выпей. — Дэл протянул Гевину бутылку воды. Потом повернулся к Яну: — Он здесь уже две недели.

— Она меня выгнала! — рявкнул Гевин, отшвырнув неоткрытую бутылку.

— Потому что ты вел себя как придурок.

— Знаю.

¹ Мне не нравится (исп.). — Здесь и далее прим. перев.

² Что случилось? (исп.)

Дэл покачал головой.

— А ведь я тебя предупреждал.

— Было дело.

— Говорил тебе: перестань вести себя как козел, ей в конце концов осточертеет.

— Да говорил, говорил, — прорычал Гевин, резко вскинув голову.

Слишком резко. Накатила тошнота: бурбон устремился к ближайшему выходу. Гевин сглотнул и сделал глубокий вдох, пытаясь справиться с дурнотой... черт! На лбу и под мышками выступил пот.

— Твою мать, да он весь позеленел! — заорал Кажетса-Брейден-Мак.

Крепкие ручищи подняли бедолагу так, что ноги едва касались пола. Дэл и Да-точно-Брейден-Мак поволокли Гевина в ванную. Он споткнулся об унитаз, и тут же изо рта у него хлынула субстанция мерзкого цвета, под стать его поступкам. Зажав нос и матерясь, Мак вылетел из ванной. Дэл оставался рядом, даже когда Гевин, содрогаясь, кряхтел над унитазом, как теннисистки на корте.

— Ты же вообще пить не умеешь, — напомнил Дэл.

— Умираю... — Гевин застонал, рухнув на одно колено.

— И не надейся.

— П-моги же. П-ложи конец мучениям.

— Лучше не дразни.

Гевин осел на задницу и привалился к бежевой стене. Колено ударилось о бежевую ванну, скрытую

пластиковой занавеской того же оттенка. Гевин зарабатывал пятнадцать миллионов в год, а завис в самом дерьмовом гостиничном номере. Дерьмовее тех, в которых жил, когда играл в низшей лиге. Он мог бы позволить себе роскошные апартаменты, но в качестве наказания гадючник подходил куда больше. За то, что из-за собственной гордости потерял самое дорогое в жизни.

Дэл спустил воду и закрыл крышку унитаза. Вышел и тут же вернулся с бутылкой воды.

— Пей. Я серьезно.

Гевин открыл бутылку и залпом втянул в себя половину. Через несколько минут комната перестала вращаться.

— Какого хрена здесь все эти чуваки?

— Скоро узнаешь. — Дэл сел на крышку унитаза и наклонился вперед, упершись локтями в колени. — Полегчало?

— Нет. — Гевин всхлипнул. Проклятые слезы. Не хватало еще разнюниться перед другом. Он зажмурился и надавил большим пальцем между бровями.

— Хочешь реветь — реви. — Дэл легонько ткнул приятеля носком кроссовки. — Не стесняйся.

Гевин прислонился головой к стене, по щекам покатались две слезы.

— Как подумаю, что потерял ее, сердце разрывается.

— Не бойся, не потеряешь.

— Придурок, она же х-хочет р-развестись.

Дэл не обращал внимания на его заикание. Как и все в команде. Гевин будто забывал, что он заика, общаясь с ребятами. В том была заслуга Теи — одна из длинного списка ее достоинств. До встречи с ней он комплексовал, стеснялся говорить даже со знакомыми. А Тея осталась невозмутимой, когда он впервые начал при ней заикаться. Она не пыталась закончить за него фразу, не отворачивалась, выказывая раздражение или нетерпение. Просто ждала, пока он договорит. Только с ней и со своей семьей он не чувствовал себя неуклюжим, заикающимся тормозом.

Тем большим предательством стала ее ложь, которая открылась месяц назад. Да, именно так это и называется. Ложь.

Его жена притворялась в течение всего их брака. Она, оказывается, лишь имитировала оргазм.

— Так и сказала — «хочу развод»? — спросил Дэл. — Или предложила «подумать о разводе»?

— Какая, на хрен, разница?

— Если первое, значит, она все уже решила. Если второе, шанс еще есть.

Гевин поелозил головой по стене в знак несогласия.

— Никаких шансов. Т-ты бы слышал ее тон. Говорила со мной, как чужая.

Дэл поднялся и навис над другом.

— Так ты хочешь помириться с женой?

— Да. — Господи, конечно! Отдал бы все на свете!.. Вот зараза, в горле опять комок.

— На что ты готов ради примирения?

— Да на что угодно!

— Точно?

— Ч-ч-что за вопрос? В лепешку р-расшибусь, лишь бы вернуть ее!

— Ну ладно. — Дэл протянул руку. — Тогда пошли.

Гевин позволил Дэлу поднять себя и поплелся за ним в гостиную. Тело весило не меньше тонны: спотыкаясь, он с трудом добрал до кушетки и рухнул на подушки.

— Хорошо тут у тебя, Скотт, — прокомментировал Мак, выходя из мини-кухни. Он потер о плечо зеленое яблоко и с хрустом откусил большой кусок.

— Яблоко, кстати, мое... — проворчал Гевин.

— Что ж ты его не съел?

— Не успел.

— Ну да, на закуску оставил.

Гевин показал ему средний палец.

— Прекрати, Мак, — вступился Дэл. — Все мы через это прошли.

Стоп. Что он несет?

Ян уселся на другом краю кушетки, со стуком взгромоздив ноги в ковбойских сапогах на журнальный столик. Мак прислонился к стене.

Дэл поочередно посмотрел на обоих.

— Что скажете?

Мак откусил яблоко еще раз и заговорил с набитым ртом:

— Не знаю. Думаешь, ему по зубам?

Гевин провел рукой по лицу. Он ничего не понимал, будто смотрел фильм с середины. Причем дерьмовый.

— Объяснит мне х-хоть кто-нибудь, что п-происходит?

Дэл скрестил руки.

— Будем спасать твой брак.

Гевин фыркнул, но три пары уставившихся на него глаз смотрели серьезно. Он застонал.

— Мне конец!

— Ты же на все готов, чтобы вернуть Тею? — напомнил Дэл.

— Ну да, — пробормотал Гевин.

— Тогда рассказывай все как есть.

Гевин напрягся. Дэл присел на журнальный столик, который протестующе затрещал под весом великана.

— Расскажи нам, что случилось.

— Говорил уже. Она сказала...

— Я не о вчерашнем. Что у вас вообще стряслось?

Гевин оглядел всех троих. Даже не будь тут Яна и Мака-Пожирающего-Его-Яблоко, он не стал бы рассказывать. Слишком унижительно. Легко ли признаться, что не удовлетворяешь в постели собственную жену? А ведь нужно еще рассказать, каким козлом и уродом он был, когда перебрался в гостевую комнату, наказывал жену молчанием, не слушал ее объяснений, потому что душа его, видите ли, слишком чувствительна и ранима. Нет уж, спасибо. Лучше промолчать.

— Не скажу, — наконец буркнул он.

— Почему?

— Это личное.

— Ясное дело, раз речь о твоём браке, — не понял Дэл.

— Но тут слишком...

Не выдержав, Мак его перебил:

— Тебя спрашивают, не ходил ли ты на сторону, дебил!

Гевин мотнул головой и впился взглядом в Дэла.

— Ты сдурел? Seriously считаешь, ч-то я мог ей изменить?

От этой мысли ему снова захотелось нагнуться над унитазом и дать эвакуироваться остаткам вчерашнего алкогольного ужина.

— Нет, — ответил Дэл. — Но мы должны знать. Такие правила. Тем, кто бегают по бабам, мы не помогаем.

— Кто это «мы»? Достали уже со своими загадками!

— Ты сказал, что вчера она казалась чужой, незнакомой, — сказал Дэл. — А тебе не приходило в голову, что она и есть незнакомка?

Во взгляде Гевина читалось неподдельное недоумение.

— Брак штука непростая, все супруги в какой-то момент отдаляются друг от друга, — продолжал Дэл. — Жизнь течет, все меняется, люди тоже меняются, и не всегда одновременно. Сколько пар развелись, приняв временные трудности за непреодолимые проблемы! — Дэл развел руками. — Но вы-то двое что творите? Вам ли разводиться? Радовались бы, что нашли друг друга.